

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 6 (140). С. 34–40.
Izvestiya of Altai State University. 2024. No 6 (140). P. 34–40.

Научная статья

УДК 94(47):504.03

ББК 63.3(2)+60.522

DOI: 10.14258/izvasu(2024)6-04

Понятие «экологическая культура» в свете историографии и его приложение применительно к русскому крестьянству

Ксения Александровна Пожарская¹, Юлия Сергеевна Деева²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
kse-pozhar@mail.ru

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
deeva.yuliya.04@mail.ru

Original article

Concept of “Ecological Culture” in the Context of Historiography and Its Application to the Russian Peasantry

Ksenia A. Pozharskaya¹, Yuliya S. Deeva²

¹Altai State University, Barnaul, Russia, kse-pozhar@mail.ru

² Altai State University, Barnaul, Russia, deeva.yuliya.04@mail.ru

Аннотация. Сравнительно новое направление исторических исследований — экологическая история — в отечественной историографии получило преимущественно городскую «специализацию», связанную с изучением влияния урбанизации и индустриальной деятельности человечества. Между тем цепочка «природопользование — хозяйственная деятельность — экология» рельефно отражается и в аграрной экономике, в том числе и в специфике деятельности ее акторов — крестьян. Для ведущих отраслей крестьянского хозяйства — земледелия и скотоводства, природно-климатические условия среды обитания выступают в качестве определяющих «технологические» параметры, а также результаты производства. Осуществляя хозяйственно-бытовую деятельность, земледельцы одновременно преобразуют естественный ландшафт, происходит его трансформация в антропогенный, что в свою очередь актуализирует обращение к проблемам сельской экологии. В статье предпринимается попытка выявить содержание определения понятия «экологическая культура» и его приложение применительно к русскому крестьянству, а также историю становления понятия в этнографических и исторических исследованиях.

Ключевые слова: экологическая история, экологическая культура, крестьянство, экологическое сознание, экологическое поведение

Abstract. A relatively new field of historical research — environmental history — has gained a predominantly urban «specialization» in Russian historiography, focusing on the study of the impact of urbanization and industrial human activity. Meanwhile, the chain of «nature use — economic activity — ecology» is clearly reflected in the agrarian economy, including the specific activities of its actors — the peasants. For the main sectors of peasant economy — agriculture and animal husbandry, the natural and climatic conditions of their habitat serve as determining «technological» parameters, as well as the outcomes of production. At the same time, by carrying out their economic and domestic activities, farmers transform the natural landscape into an anthropogenic one, which, in turn, highlights the relevance of addressing rural ecological issues. This article attempts to explore the meaning of the term “ecological culture” and its application to Russian peasantry, as well as the history of the concept’s formation in ethnographic and historical studies.

Keywords: ecological history, ecological culture, peasantry, ecological consciousness, ecological behavior

Для цитирования: Пожарская К.А., Деева Ю.С. Понятие «экологическая культура» в свете историографии и его приложение применительно к русскому крестьянству // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 6 (140). С. 34–40. DOI: 10.14258/izvasu(2024)6-04.

For citation: Pozharskaya K.A., Deeva Yu.S. Concept of “Ecological Culture” in the Context of Historiography and Its Application to the Russian Peasantry. *Izvestiya of Altai State University*. 2024. No 6 (140). P. 34–40. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)6-04.

Экологическая история (Environmental history) является довольно новым для отечественной исторической науки направлением, зародившимся в 1990-е гг. Хотя оно и имело длительную предысторию выработки представлений о том, что история человека, обществ и государств неотделимы от истории природы, а реконструкция исторической реальности невозможна без обращения к экзогенным условиям развития исторических процессов [1, с. 74]. В настоящее время под экологической историей преимущественно понимается междисциплинарное направление (на стыке истории и экологии), изучающее историю взаимодействия человека с окружающей средой на протяжении всего существования человечества или взаимоотношения между человеческой культурой и окружающей средой в прошлом [1, с. 74; 2, с. 30]. Своебразными «первоходцами» в области изучения взаимодействия человека и природы в отечественной науке явились идеи географического детерминизма и роли природно-климатического фактора в русской истории, нашедшие отражение в трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Л.Н. Гумилева, А.В. Дурова, Л.В. Милова и др. Тем не менее, историко-экологическая проблематика в настоящее время реализуется в России лишь в рамках локальных научных школ, изучающих отдельные регионы страны [3, с. 5]. При этом значительное внимание исследователей в настоящее время обращено к экологическим аспектам городской экономики и быта: загрязнению окружающей среды в результате индустриальной деятельности человека, повседневной жизни городского населения и т.д. [4, с. 146]. Подобная акцентуация исключает из поля зрения сельские территории, которые в общественном дискурсе носят уже архетипические черты, ассоциируясь с «близостью к природе», «экологическим раем», «местом силы», «природной чистотой», «свежим воздухом» и т.д. [5, с. 71] Между тем продолжительный период своей истории Россия являлась страной с аграрной экономикой, где важнейшим видом производства являлось сельское хозяйство. Данное обстоятельство актуализирует обращение к проблемам «деревенской» экологии, поскольку ведущие отрасли крестьянского хозяйства — земледелие и скотоводство — связаны с антропогенным воздействием на природу и соответственно формированием сельскохозяйственного ландшафта. В качестве проявлений подобного влияния на среду могут выступать деградация почв в результате усиленных распашек или выпасов скота, вырубка лесов, хищническая заготовка сена, угнетение растительного по-

крова и т.д. При этом нельзя не отметить, что, например, сибириведческие исследования еще с конца 1980-х гг. сделали существенный вклад для развития региональной экологической истории села в результате освоения историками и этнографами проблематики, связанной с вопросами колонизации и заселения региона, эксплуатацией земельно-лесных ресурсов, а также адаптацией к природно-климатическим условиям Сибири крестьян-переселенцев XVIII — начала XX в. (М.М. Громыко, Н.А. Миненко, О.Н. Шелегина, В.А. Липинская, Е.Ф. Фурсова, Л.М. Горюшкин, М.К. Чуркин и др.) [6–12]. Данные изыскания фундированы обширной дореволюционной литературой различной научной специализации, содержащей сведения об орографии, гидрологии, ландшафтах, метеорологии, почвенных режимах сибирского региона.

В центре внимания в данной статье находится экологическая культура крестьянства в свете историографии: становление термина «экологическая культура» и его включение в орбиту исторических изысканий, а также сущность и структурные элементы данного понятия применительно к русскому крестьянству.

Термин «экология» был введен в научный оборот в 1866 г. немецким биологом Эрнстом Геккелем, использовавшим его для обозначения науки о быте животных, отношении их к среде обитания и между собой [13, с. 24]. Термин же «экологическая культура» входит в научный обиход лишь к середине XX столетия. Одними из первых обратились к проблемам экологической культуры знаменитые мыслители и исследователи — В. И. Вернадский, Т. Мальтус, Ле Шателье-Браун, Б. Коммонер. Они использовали термин «биосфера», а также занимались проблемами человеческого фактора в существовании мира. Философы рассматривали экологическую культуру как уровень восприятия людьми природы, окружающего мира, а также как оценку человеком своего положения во вселенной, отношения к миру [14, с. 66]. В настоящее время данное понятие используется в культурологии, социальной философии, педагогике и других областях социогуманитарного знания [14–17]. Так, например, социолог О.Н. Яницкий под экологической культурой понимает характер взаимоотношений человека и среды его обитания, полагая, что она является также частью морали и этики. Потому именно «этические основания общества и среды, в которой оно живет и которую формирует», составляют сущность экологической культуры [17, с. 6].

Предшественницей экологической истории в России явилась этноэкология (итог сближения этнографии/этнологии и социальной экологии), возникшая еще на рубеже 1970–1980-х гг. [18, с. 3] Первоначально изыскания в данной области фокусировались на производственно-хозяйственных практиках этносов, базировавшихся на принципах рационального природопользования [19, с. 88; 20, с. 8]. Так, один из основателей данного направления В.И. Козлов в качестве ведущих задач этнической экологии определил «изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения… этнических групп в природных и социально-культурных условиях их обитания… изучение культурной специфики использования этническими группами природной среды и специфики их воздействия на эту среду, определение закономерностей формирования и функционирования относительно независимых этноэкологических систем» [21, с. 21]. Согласно логике рассуждений автора, система жизнеобеспечения даже сравнительно небольшого социума имеет двойственную структуру: обеспечение как телесных (физических), так и духовных потребностей, при этом первые могут быть регламентированы (например, пищевые табу) или опосредованно связаны (например, передача хозяйственного поколенческого опыта, народные знания в области ботаники, зоологии, врачевания и т.д.) со вторыми. Таким образом, В.И. Козлов рассматривал духовную культуру как неотъемлемый компонент традиционной системы жизнеобеспечения, а формирование «экофильности» относил к периоду перехода от присваивающего хозяйства к производящему, когда происходит сакрализация используемых ресурсов и «население» окружающего мира магическими существами [21, с. 24–26; 30].

Еще один специалист в области этноэкологии А.Н. Ямков отмечал, что в этноэкологических исследованиях культуру трактуют прежде всего как средство и результат внебиологической групповой адаптации к условиям окружающей среды [22, с. 268]. Сам ученый выделил три экологически значимых явления человеческой культуры: материальная (орудия и т.п.) и две нематериальные (знания и навыки). Автор особо подчеркивал, что в процессе культурной адаптации человека к окружающей среде роль играют как пассивные (приспособленческие), так и активные (приспосабливающие) составляющие. Последние предусматривают трансформацию природного ландшафта в соответствии с базовыми биологическими и инстинктивными по своей сути потребностями (например, подведение воды к орошаемым полям, бурение для поиска грунтовых вод и т.д.) [22, с. 269–271]. А.Н. Ямков также использовал понятие «универсальные экологически значимые культурные архетипы». Они, по мнению автора, определяют неосознаваемые формы поведения человека по отношению к окру-

жающей среде и характеризовались исследователем применительно к отдельным историческим эпохам. В частности, архетипы, порождающие главные экологические проблемы аграрного общества, связаны с отсутствием сознательных ограничений на рост потребления природных ресурсов (в традиционных обществах по причине отсутствия планомерных ограничений роста численности населения) и ориентацией на минимизацию трудозатрат (т.е. выбор экстенсивных форм хозяйствования) [22, с. 273–283].

Исследователь традиционной культуры эвенков этнограф М.Г. Туров, рассуждая об экологической культуре этносов, отмечал, что ее важным компонентом, помимо принципов хозяйственного использования ресурсов среды (при разности, например, у отдельных территориальных подразделений эвенков методов хозяйственного освоения угодий), выступает и духовная культура, воплощенная в обрядово-ритуальной части жизни, которая выступает в качестве регулятора «отношений» человека со средой обитания [23, с. 141].

Таким образом, по мере развития данного направления научных изысканий проблемное поле этноэкологии существенно расширилось и включило вопросы «восприятия пространства и отражения природных условий местности в различных, в том числе нематериальных, явлениях культуры, прежде всего в верованиях и мировоззрении, так и влияние культурных традиций и обычая, в основном связанных с религией, этикой и эстетикой, на территориальную организацию сообщества и на природные ландшафты заселенной местности» [24, с. 8–9].

Обращение к особенностям традиционной экологической культуры крестьянства происходит практически одновременно с развитием направления «экологическая история» в России: в конце 1990-х гг. в результате реализации проекта РФФИ, объединившего специалистов в области исторической экологии и исторической географии. А активная разработка научным сообществом темы выразилась в обращении к проблемам сельскохозяйственного просвещения и взаимодействия власти и общества в деле охраны природы [25, с. 879].

Важный вклад в формирование представления об экологической культуре крестьянства был внесен специалистом в области крестьянского сознания, ментальности и повседневности О.А. Суховой. В частности, в ее статье, написанной в соавторстве с И.Н. Иноzemцевым, в качестве генеральных идентификаторов экологической культуры указывается система представлений, смыслов и ценностей, символов и мифов сельского сообщества. Отмечается, что экологическое сознание крестьян находило проявление в экологии человека, жилища, поселения, практиках землепользования [25, с. 877]. В качестве главного маркера взаимоотношений крестьян с окружающей средой исследователи определили повседневные

практики природопользования, а в частности, отношение к ведущими ресурсу и источнику материально-го благополучия — земле. При этом авторы отмечали, что утилитарность крестьянского сознания находила проявление, например, к хищнической эксплуатации леса в 1910–1920-е гг. [25, с. 884–885]. По мнению исследователей, основной тенденцией экологического сознания крестьянства в XX в. явилась десакрализация традиционных ценностей, приведшая к экологическому абысентизму и безучастности. Точкиами бифуркации явились эпохальные события российской истории (Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война и другие события и сопряженные с ними голод, высокая смертность, заболеваемость как результат употребления пищи смертельно опасных продуктов и т.д.), воздействовавшие на экологические представления крестьян [25, с. 878, 881–884].

Выводы О.А. Суховой и И.Н. Иноземцева перекликаются с суждениями В.Г. Виноградского и О.Я. Виноградской, несколько ранее ретроспективно представившим экологическую историю российского села, подразделив ее на четыре этапа: «общинно-единоличный», «колхозно-совхозный», «позднеколхозный» и «новейший», или преимущественно «фермерско-агрохолдинговым». При этом авторы особо отметили, что под экологической проблематикой они понимают не только «смену социумом способов поиска своих мест “в семье природы”, но и постепенное отгораживание себя от нее» [5, с. 75]. Не затрагивая последний из выделенных этапов, авторы пришли к заключению, что в «позднеколхозную» эпоху в силу действия целого ряда обстоятельств (многосоставное сельское общество со сложной структурой, индустриальные принципы в организации сельского хозяйства, «урбанизация» сельского пространства и др.) произошел упадок позитивных экологических традиций, а в крестьянской среде стала доминировать экологическая апатия [5, с. 86–94].

По мнению сибирской исследовательницы Г.В. Любимовой, категория «экологическая культура» должна быть дополнена также категориями «экологическое сознание» и «экологическое поведение». Экологическую культуру исследовательница определяла, как «сложную, многоуровневую и многокомпонентную систему, которая включает в себя мировоззренческие доктрины, идеологические установки, нормы и представления обыденного сознания, а также «открытое поведение», то есть, поддающиеся внешнему наблюдению поступки индивида и этнической общности» [18, с. 6].

Отдельный пласт по экологической «сельской» проблематике составили публикации омских уче-

ных М.К. Чуркина, Н.И. Чуркиной, И.И. Кротта, посвященные периоду земледельческой колонизации Сибири рубежа XIX–XX вв. [26–29]. Авторы не использовали понятие «экологическая культура», однако в центре их внимания находились «аграрно-экологические знания крестьян-переселенцев» (например, учет атмосферных осадков и температурных показателей) [29, с. 20] и «экологический фактор адаптации» (природно-климатические условия сибирского региона).

Таким образом, понятие «экологическая культура» выступает как полидисциплинарная и полисемантическая дефиниция, присутствующая в терминологическом аппарате различных социогуманитарных наук. Впервые им стала оперировать такая область знания как этноэкология, а обращение к нему исторической науки было связано с развитие историко-экологической проблематики в конце 1990-х гг. Включение понятия в активный словарь историков весьма проблематично, так как до сих пор не выработано единое и всеобъемлющее определение. В качестве синонимичных историки нередко используют понятия «экологическое поведение», «экологическое сознание». Несмотря на то обстоятельство, что изучение экологической культуры отдельных обществ и этносов началось еще в конце XX в., четких критериев или параметров экологической культуры земледельцев в науке до сих пор не сложилось. Сложность, с одной стороны, обусловливается спецификой самого носителя культуры — крестьянства, которое традиционно ассоциируют с низким уровнем грамотности, медленными темпами просвещения и внедрения инноваций на фоне ограниченного количества каналов их проникновения и распространения в крестьянской среде, а также отсутствием релевантных источников для реконструкции массовых форм проявления экологического сознания и экологического поведения крестьянского социума. С другой стороны, многозначность самого понятия «культура» и междисциплинарный характер исследований в области экологической истории обусловливает и сложности формулирования сущности и структурных составляющих «экологической культуры», маркеров ее «сформированности» или конкретных проявлений применительно к характеристике той или иной социальной общности. Кроме того, нельзя не отметить весьма вольное и разнообразное использование самого слова «экология», нередко приобретающее характер эвфемизма (например, экология отношений, экология языка и др.).

Библиографический список

1. Гололобов Е.И., Дурновцев В.И. Экологическая история Севера Западной Сибири (1917–1991 гг.): исследовательский потенциал архивных источников // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 72–86.
2. Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем : монография. М. : Прометей, 2006. 368 с.
3. Мерzon Е.Е. Экологическая история России: новое междисциплинарное направление // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы Международной научной конференции (Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). Елабуга : Изд-во Елабужского ин-та КФУ, 2014. С. 5–7.
4. Ильин А.Ю., Канищев В. В. Экологическая обстановка в губернских (областных) центрах России и городское хозяйство в XX в. (по материалам Пензы, Рязани и Тамбова) // Новейшая история России. № 1 (15). 2016. С. 146–163.
5. Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Экология сельского мира глазами крестьян // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, №1. С. 70–95.
6. Громыко М.М. Мир русской деревни. М. : Молодая гвардия, 1991. 269 с.
7. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири периода феодализма : учебное пособие. Новосибирск : Новосибирский ун-т, 1986. 92 с.
8. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.) : учебное пособие. М. : Логос, 2001. Вып. 1. 184 с.
9. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVII — начало XX в. М. : Наука, 1996. 296 с.
10. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.) Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. 152 с.
11. Горюшкин Л.М., Бочanova Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири, вторая половина XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука, 1993. 263 с.
12. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации : монография. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
13. Симоненко Н.И. Экологическая культура в современном социокультурном дискурсе: к определению онтологической сущности экологической культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №29. С. 63–67.
14. Тимофеева С.В. О проблеме взаимосвязи экологической культуры и экологического сознания человека (социально-философский аспект) // Вестник Красноярского гос. университета. История и культурология. 2010. № 11. С. 213–217.
15. Сысак М.Н. Экологическая культура как форма экологического гуманизма // Приволжский научный вестник. 2013. №12 (28). Ч. 1. С. 77–91.
16. Сенницкая Л.В. Роль образования в формировании экологической культуры // Лесной вестник. Философия и экология. 2015. № 4. С. 70–74.
17. Яницкий О.Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М. : Наука, 2007. 271 с.
18. Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах земледельческой традиции). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 208 с.
19. Козлов В.И., Ямков А.Н. Этническая экология. Этнология в США и Канаде : монография. М. : Наука, 1989. С. 86–107.
20. Козлов В.И. Введение. Этническая экология: теория и практика : сборник статей. М. : Наука, 1991. С. 3–14.
21. Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры : сборник статей. М. : Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 15–32.
22. Ямков А.Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этноэкологические аспекты духовной культуры : сборник статей. М. : Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 266–296.
23. Туров М.Г. Эвенки: экологическое сознание этноса в традициях охотничье-оленеводческого хозяйства // Народы Сибири: права и возможности: монография / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 129–147.
24. Ямков А.Н. Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры (вместо введения) // Этноэкологические аспекты духовной культуры : сборник статей. М. : Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 3–14.
25. Сухова О.А., Иноzemцев И.Н. Экологическая культура советского крестьянства: традиционные ценности и вызовы современности // Вестник архивиста. 2022. №3. С. 877–890.
26. Кротт И.И. Влияние природно-географического фактора на процесс адаптации, поведенческие стратегии и практики сибирского крестьянства в конце XIX — начале XX века // Вопросы истории Сибири : сборник научных статей. Вып. 3. Омск, 2011. С. 37–48.
27. Чуркин М.К. Природный фактор в аграрной колонизации Сибири пореформенного периода: становление историко-географического дискурса // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (4). С. 14–22.
28. Чуркин М.К., Чуркина Н.И. Аграрно-экологические представления и знания крестьян-переселенцев в контексте водворения и обустройства в западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Сургутского гос. педагогического ун-та. 2020. № 6 (69). С. 17–23.
29. Чуркин М.К., Чуркина Н.И. Репрезентация аграрно-экологических знаний в условиях земледельческой колонизации Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестник Сургутского гос. педагогического ун-та. 2021. № 6 (75). С. 123–134.

References

1. Gololobov E.I., Durnovcev V.I. Environmental History of the North of Western Siberia (1917–1991): Research Potential of the Archival Sources. *Herald of an Archivist*. 2017. № 2. P. 72–86. (In Russ.).
2. Kalimullin A.M. *Historical Study of Regional Environmental Problems. Monograph*. Moscow: Prometej, 2006. 368 p. (In Russ.).
3. Merzon E.E. Environmental History of Russia: a New Interdisciplinary Field. *Environmental History in Russia: Stages of Formation and Promising Areas of Research. Proceedings of the International Scientific Conference (Yelabuga, November 13–15, 2014)*. Yelabuga: Publishing House of Yelabuga Institute of KFU, 2014. P. 5–7. (In Russ.).
4. Ilyin A.Yu., Kanishchev V.V. Ecological Situation in Russian Provincial (Regional) Centers and Urban Economy in the 20th Century (Based on the Materials of Penza, Ryazan and Tambov). *Morden History of Russia*. № 1 (15). 2016. P. 146–163. (In Russ.).
5. Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Ecology of the Rural World in the Perception of Peasants. *Peasant Studies*. 2019. V. 4. № 1. P. 70–95. (In Russ.).
6. Gromyko M.M. *World of the Russian Village*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991. 269 p. (In Russ.).
7. Minenko N.A. *History of Russian Peasantry Culture in Siberia During the Feudalism: Study Guide*. Novosibirsk: Novosibirsk University, 1986. 92 p. (In Russ.).
8. Shelegina O.N. *Adaptation of the Russian Population in the Conditions of Development of the Territory of Siberia (Historical and Ethnographic Aspects. 17th –20th Centuries): Study Guide*. Moscow: Logos, 2001. Issue 1. 184 p. (In Russ.).
9. Lipinskaya V.A. *Old-Timers and Migrants. Russians in Altai in the 17th – Early 20th Century*. Moscow: Nauka, 1996. 296 p. (In Russ.).
10. Fursova E.F. *Traditional Clothing of Russian Old-time Peasants of the Upper Ob Region (late 19th – Early 20th Century)*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 1997. 152 p. (In Russ.).
11. Goryushkin L.M., Bochanova G.A., Nozdrin G.A. *Experience of Folk Agronomy in Siberia Second Half of the 19th – Early 20th Century*. Novosibirsk: Nauka, 1993. 263 p. (In Russ.).
12. Churkin M.K. *Resettlement of Peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Determining Factors of Migration Mobility and Adaptation: Monograph*. Omsk: Publishing House of OmSPU, 2006. 376 p. (In Russ.).
13. Simonenko N.I. Ecological Culture in Modern Socio-cultural Discourse: Towards the Definition of the Ontological Essence of Ecological Culture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No. 29. P. 63 – 67. (In Russ.).
14. Timofeeva S.V. On the Problem of the Relationship Between Ecological Culture and Human Ecological Consciousness (Social and Philosophical Aspect). *Bulletin of Krasnoyarsk State University. History and Cultural Studies*. 2010. No. 11. P. 213–217. (In Russ.).
15. Sysak M.N. Ecological Culture as a Form of Ecological Humanism. *Privolzhsky Scientific Journal*. 2013. No. 12 (28). Part 1. P. 77–91. (In Russ.).
16. Sennitskaya L.V. Role of Education in the Formation of Ecological Culture. *Forestry Bulletin. Philosophy and Ecology*. 2015 No. 4. P. 70–74. (In Russ.).
17. Yanitsky O.N. *Ecological Culture: Essays on the Interaction of Science and Practice*. Moscow: Nauka, 2007. 271 p. (In Russ.).
18. Lyubimova G.V. *Essays on the History of Interaction Between the Rural Population of Siberia and the Natural Environment (Based on Materials of Agricultural Tradition)*. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology 5, 2012. 208 p. (In Russ.).
19. Kozlov V.I., Yamskov A.N. Ethnic Ecology. *Ethnology in the USA and Canada: Monograph*. Moscow: Nauka, 1989. P. 86–107. (In Russ.).
20. Kozlov V.I. Introduction. *Ethnic Ecology: Theory and Practice: Collection of Articles*. Moscow: Nauka, 1991. P. 3–14. (In Russ.).
21. Kozlov V.I. On Some Problems of Ethnic Ecology. *Ethnoecological Aspects of Spiritual Culture: Collection of Articles*. Moscow: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 15–32. (In Russ.).
22. Yamskov A.N. Ecologically Significant Cultural Archetypes of Human Behavior. *Ethnoecological Aspects of Spiritual Culture: Collection of Articles*. Moscow: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 266–296. (In Russ.).
23. Turov M.G. Evenks: the Ecological Consciousness of an Ethnic Group in the Traditions of Hunting and Reindeer Herding Economy. *Peoples of Siberia: Rights and Opportunities: Monograph*. Ed. by A.P. Derevyanko. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology SB RAS, 1997. P. 129–147. (In Russ.).
24. Yamskov A.N. Studies of the Ecological Functions of Intangible Cultural Phenomena (instead of introduction). *Ethnoecological Aspects of Spiritual Culture: Collection of Articles*. Moscow: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 3–14. (In Russ.).
25. Suhova O.A., Inozemcev I.N. Ecological Culture of the Soviet Peasantry: Traditional Values and Modern Challenges. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 3. P. 877–890. (In Russ.).
26. Krott I.I. Influence of the Natural and Geographical Factor on the Process of Adaptation, Behavioral Strategies and Practices of Siberian Peasants in the Late 19th – Early 20th Century. *Issues of Siberia History: Collection of Scientific Articles. Volume 3. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Omsk State Pedagogical University*. Omsk, 2011. P. 37–48. (In Russ.).

27. Churkin M.K. Natural Factor in the Agrarian Colonization of Siberia in the Post-reform Period: Formation of Historical and Geographical Discourse. *Omsk University Bulletin. Series «Historical Sciences»*. 2014. No. 4 (4). P. 14–22. (In Russ.).

28. Churkin M.K., Churkina N.I. Agrarian-ecological Ideas and Knowledge of Migrant Peasants in the Fourth Settlement and Settlement in Western Siberia (Second Half of the 19th — Early 20th Century). *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2020. No. 6 (69). P. 17–23. (In Russ.).

29. Churkin M.K., Churkina N.I. Agrarian and Ecological Knowledge Representation in the Conditions of Land Colonization of Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2021. No. 6 (75). P. 123–134. (In Russ.).

Информация об авторах

К.А. Пожарская, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Ю.С. Деева, студентка Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

About the authors

K.A. Pozharskaya, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Russian History, Altai State University, Barnaul, Russia;

Yu.S. Deeva, Student, Institute of History and International Relations, Altai State University, Barnaul, Russia.